

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarus Documentation Project

Егневицкий Яков Исакович. 1925 года рождения.

Когда я начинаю какой-нибудь рассказ, вспоминаю прошлое, память меня возвращает обычно к 29-ому году. В Минске тогда впервые пустили трамваи. И вот, я помню, кода я на этом трамвае прокатился, с того времени, мне кажется, я все буквально помню, что было. Я помню хорошо, как я пошел в 5 лет в детский сад, затем помню, как пошел в нулевуцкую школу, ну, а дальше, естественно, уже все в памяти было. Поэтому, все что было до 29-ого года, я все это знаю из рассказов своих родителей, ну, а позже, естественно, уже все, что происходило со мной.

Родился я... я коренной минчанин... В Минске родился. Все детство прошло в Минске. Ну, а с начала войны, меня уже жизнь кувыркала по-разному.

Семья, в которой я родился, состояла из четырех человек. Отец и мать бывшие рабочие, работали в подмастерье когда-то, а затем работали в Минске на фабрике, и отец, и мать. Отец и мать были портные. Старше меня была сестра, которая вместе со мной начинала учебу. Ну а дальше я о ней расскажу попозже.

Условия жизни и, вот, отношение к жизни, у нас в основном складывались из-за того, что отец перенес очень трудную жизнь. Он родился в семье, в которой было 10 человек. Проживали они в местечке Кореличского района, в деревне **Ирубичи**, где в последствии, мы там и партизанили. И там все было вначале благополучно, пока дед, он был фельдшером... зимой, в октябре, шел, провалился на Немане под лед, заболел и он умер. Осталась семья 10 человек. Естественно они оттуда... им кто-то помог... перебрались они в Новогрудок, и семья как-то была распределена по отдельным более зажиточным семьям, куда ходили... Ну, отец рассказывал, что он не мог ходить в чужую семью, естественно... Его мать отдала в подмастерье, когда ему было 7 лет. Учился он там мастерству портного, жил, как он впоследствии рассказывал, нянчил очень много, занимало времени, там, по хозяйству. Мало

чего отводилось для учебы. Это, конечно, сказалось впоследствии на его взглядах. Тоже самое произошло с его близкими родными: сестрами, братом родным. Все оказались в 1910 году... они все переехали из Новогрудка в Минск. Знаете, тяжелая жизнь в семье, естественно сказалась на том, что они очень рано отозвались. Он оказался в армии во время гражданской войны. И затем, конечно, он и его брат (тут я фотографии потом покажу), конечно, сразу ушли в революцию. Они встретили революцию радостно, и, надо сказать, что после этого голодания, голода, начали учиться так, сколько могли. И в жизни так случилось в семье, что всем довольствовались то, что есть. Даже тяжелые годы: и 39-ый голод, и в 32-ом году. Я его хорошо помню, отец работал на фабрике 8 Марта и по его карточке, я к нему ходил вместе с ним, он сдавал обеды. Там была своя столовая. А мать работала на фабрике Крупской, ходила туда старшая сестра обедать. Так что этот голод 32-ого года мне хорошо запомнился. Я хорошо помню 38-ой год, расцвет, когда закончилось строительство второй пятилетки. Обилие, то, что было тогда, это обилие сразу проявилось и дома. Отец и мать всю жизнь работали и, конечно, мне доставалось по хозяйству, особенно, когда очереди тогда были: буквально во всем надо было стоять. Этим я занимался после школы. Отец все же считал, что мы должны учиться в престижной школе, а в Минске тогда была только одна 5-ая школа, это бывшая гимназия. И, конечно, с сестрой меня в эту школу определили. Хотя дома разговор шел всегда на еврейском языке, поэтому я на идиш... я идиш очень хорошо, ну как сказать, понимал, говорить приходилось мало, но я понимать... в последние годы я как-то немножко подзабыл. А так, я его хорошо знал.

Соблюдались праздники. В каком смысле, что мать очень хорошо всегда, к каждому празднику, готовила еду, всем она очень нравилась, поэтому, всегда этот праздник, все, и Хануки, и все эти праздники, которые были и Пасху, отмечались только в смысле еды. Больше никаких таких... Отец не молился. Надо сказать, что отец, когда поступил в детстве, он очень хорошо

изучил тору, в нашей семье предсказывали, что он будет будущий **Равен**, и даже кличку ему дали такую – **пипке деров**. Считали, что его карьера будет равна тому. Ну, так сломалась жизнь, что он, ну, не оказался. Поэтому в детстве я очень любил рассказы его, которые он рассказывал с еврейской истории: и **о Бах горбе**, и **о Хаимовиче**, там все, что было связано, там всегда были эти рассказы. И очень много рассказов о гражданской войне, которую он прошел.

Так как и все дети я начал со школы, с нулевушки. Закончил... в школе учился, закончил 7 классов, перешел в 8-ой, и в Минске начались тогда, не в Минске, у нас, в Советском союзе, реформа. Стали создавать ремесленные училища, профтехучилища стали меняться. Я после окончания... с 8-ого класса ушел и поступил в техникум, местный политехникум, и в июне 41-ого года, именно в день начала войны, 22 июня я сдавал последний экзамен, как сейчас помню – военное дело (такой был у нас предмет в техникуме). Закончил первый курс полностью.

В Минске 22 июня было открытие озера. Это был великий праздник в связи с тем, что это озеро строили (если память не ошибается) около шести лет: сначала принудительно все отработывали часы, все выходили на строительство озера, школьники, врачи – все должны были отработать. Копали котлованы. Вручную. Вагонетки тоже вручную землю отвозили в сторону. А затем нашли, что это нельзя делать, остановили строительство, и кончали его последние два года самим. А 22 июня сократили этот размер озера, и было открытие. Конечно, мы с техникума возвращались, очень были все рады, что закончился учебный год, начало каникул. Очень много шуток, веселья. И тут нам один товарищ говорит: «Что вы шумите? Война!». Это нас как оглушило. Пока я домой добежал, жили мы возле Оперного театра... на этом месте сейчас... и штаб округа, вот следующий дом за штабом округа – это наш дом был, где мы жили. Пока я добежал домой, уже объявили тревогу. По радио объявили, что в каждом дворе надо копать траншеи, для того, чтобы во время

бомбежки туда прятаться. Начали копать и мы. Выкопали траншею. А вечером еще одну тревогу объявили. Бомбежки не было. Мать печь топила, я пытался потушить, но мама мне не дала, говорит: «Ничего страшного нет».

23 июня мы поднялись в 6 часов: стрельба зениток. Самолеты где-то летали, но не бомбили 23-его июня. А к вечеру уже были сброшены первые бомбы в районе аэропорта.

24 июня началась усиленная бомбежка с 10 до 12 часов. Но бомбили не подряд весь город, а только отдельные объекты, с 10 до 12-ти. В школе в нашей... напротив нас была школа, в которой училась сестра, она как раз закончила 10 классов, я в этой школе учился... была создана команда «асивихим», которая тогда была такая... Мы стояли, дежурили в этой школе, оказывали убежище, принимали во время объявлений тревоги, население туда. И вот, в 16 часов начали бомбить подряд весь наш район. Сначала бомбы падали возле госпиталя, это там, где штаб округа. Мать уходя на работу 23-его, говорит: «Ну, если что-нибудь начнется», она кое-что упаковала, «вещи вынесите из дома, если будет пожар, в случае чего». Отец у меня привык в жизни быть человеком обязательным и дисциплинированным, и, естественно, он ушел 24-ого числа на работу, и мать уехала на работу. После первой бомбежки они домой не пришли. Он домой явился после того, когда, как начал, сгорела ихняя фабрика, где он работал. Только к 17-ти часам. А в это время весь наш район уже горел. Мы вышли туда в сад наш, у нас небольшой сад был, где мы копали траншею. Упало сем бомб. Убило соседку нашу. Ну, это надо сказать впервые, как-то, когда я столкнулся с жестокостью войны, что такое бомбежка, убитые. А когда мы вышли из дома, пошли по направлению Комаровки, в это время выходили раненые из госпиталя, и на носилках их выносили. Кое-кого помогали медсестры. Но это был поток, который двинулся по улице Красной сюда, на Комаровку, а дальше, выходить из города. Город горел. Самолеты продолжали летать, бомбить. Мы подошли только к пожарной колонке, там, на улице Красной, и в это время упала

бомба на трамвайный парк. И в соседнем доме, это самое... мы залегли в это время. Крыша слетела, через нас попала еще в соседний дом, от волны. Мы, когда поднялись, не оказалось матери и сестры в этой суматохе. Прошли мы метров 100 – мать нашли: она лежала возле колонки, ее настолько оглушило, что она ничего не слышала и ничего не могла сказать. Это с ней продолжалось еще дней 6 или 7, пока мы ходили. А сестру мы так и не нашли после этой бомбежки. Мы провозились с 24-ого... мы дошли до деревни Цна. Провели всю ночь в этой деревне. И утром начали поиск сестры с отцом. Ходили мы вокруг этих деревень, нам говорили, что она где-то вместе с соседями, **Патенты**, (я еще буду рассказывать о них, это они в гетто были вся семья). Что она где-то с ними. Куда-то ушли по направлению по Лагойскому тракту, по направлению Городищ – в ту сторону пошла. Мы в этот район с отцом весь день ходили 25-ого и не нашли ее. И 26-ого к вечеру, все, пойдем назад в город. Пламя начало затихать уже к 26-ому, особенно 24-ого 25-ого пламя было, ночью было видно зарево Минска как днем. Мы стали... пришли в Минск. Подошли на место нашего дома – ничего не было, он сгорел. Отец все искал военкомат: «Я никуда не могу пойти. Военнообязанный». Пришли в военкомат на улице Бакунина – никого там нету. Пошел он в управление. Никого нигде не было! Т.е. нигде начальства уже 26-ого не было.

После того, когда убедились, что никого нет, что никакого призыва быть не может, здесь в Миске нет ни военкоматов, ничего... мы вышли, багажа у нас почти не было, все уже сгорело: и документы, и фотографии. Собственно, почему я не могу их много сегодня ничего показать не смогу. Ну, шли по Московскому шоссе. Идти днем невозможно было по шоссе: самолеты прямо над шоссе летали. Мы шли по параллельным дорогам в сторону Смолевич.

27-ого мы были в Смолевичах и начали двигаться в сторону Жодино. И, примерно, когда мы уже дошли до Жодино, уже часть беженцев возвращается назад.

28-ого немцы вышли к Березине и отрезали здесь все. И все, кто в этом направлении шел, все уже возвращались в Минск. Вместе с ними, с этим потоком беженцев, мы троим (я, отец и мать) вернулись а Минск.

Ну первое, что мы увидели в Минске: стояли машины и танки возле Института физкультуры на Комаровке... уже стояли танки. Стояли машины, вот эти большие фургоны, крытые брезентом. Остановились мы в районе улиц Цнянская, там были эти, деревянные дома...Этот район жилой не сгорел, остался в целости. Остановились у одного... дальний какой-то родственник был. Остановились. Ну и что: первые дни казалось, что надо... какая-то проблема еды проявилась, надо же чего-то искать. Город уже почти в основном разграбили все, что было здесь. Потому, что многие же оставались, они не собирались никуда уходить, никуда убегать. Это у нас в семье, и особенно, я должен сказать во всех еврейских семьях в Минске, были настроены, напуганы, что надо немедленно эвакуироваться, так как в 39-ом году, после захвата Польши, в Минск очень приехало много беженцев с Варшавы, отовсюду... И все, что происходило, было известно. Поэтому... А Минск почти 42% населения были евреи. В основном, все были настроены, что надо эвакуироваться. Кто пошел по Могилевскому направлению, тот успел, даже те, кто уходил 27-ого... по другим направлениям. Ну а мы поскольку жили здесь, в восточной части, пошли по московскому шоссе, мы оказались в таком положении, что немцы наносили в этом направлении главный удар, и мы казались от возможности эвакуироваться. Так началась наша жизнь в оккупированном Минске с 28-ого. А уже в июле, 26-ого, был развешен приказ: «Все евреи должны переселиться в район отведенный. Кто останется вне этого района – будет расстрелян!» - и тому подобное... и в Минске начался поток – движение в сторону гетто.

– Мы еще возвратимся к гетто и к этим событиям. Сейчас хотелось бы более подробно остановиться на том военном

периоде. Есть кое-какие вопросы, я хотел бы, чтобы Вы их уточнили. Как звали ваших родителей?

– Отец мой Исаак Яковлевич 1895 года. У него-то профессия была, он получил ее, когда работал подмастерье: он был портным. Участник гражданской войны. Возвратился он в Минск. Поступил сразу работать на фабрику такая была **КИМ** в Миске, потом 8 марта. И он проработал на швейной фабрике. Работал он мастером, затем работал начальником цеха, больше 20-ти лет на этой фабрике. И война застала его именно работником фабрики «8 марта». Она сгорела быстро. Мать работала на фабрике «Крупской». Имя ее девичье было **Котрип, Берта Котрипова**. Ой, извиняюсь, фамилия **Курок Берта Готлиповна** имя/отчество, это дед был. Дед у матери... это мой дед, второй дед, был сапожником, жил он в районе... в Минске... жили она в районе, шас где Троицкое предместье, ихний дом, где они жили. И мать жила там. Восстановили, он как раз там второй домик от Максима Горького. Две сестры матери, которые были, тоже оказались в этом же районе: по улице Старовиленской, по набережной. Оба эти домики шас стоят. Я когда подхожу – вспоминаю, когда ходил в гости в эти дома. Ну, дальше я скажу о них. Из гетто почти все мои родственники остались... они были гетто...

Мать работала на швейной фабрике «Крупской». Работала она контролёром. Тогда **отк** такого не было, это назывались **бракеры**. Вот она и работала до начала войны. Работала... надо сказать, что очень тяжёлые для нее были условия, связанные с тем, что работа на фабрике имени «Крупской» ... там транспорт был плохой: 5-ый трамвай только туда ходил. А ей надо было встать в 5 часов, печное отопление, вытопить печку, поставить сготовить еду и бежать на работу. А там еще закон: за два опоздания судили. Поэтому у нее такая ночь была, где она уже в 4 часа всегда была на ногах. С работы опять в магазин, постоять, купить и опять готовить. Но нужно сказать, что это как-то не угнетало все. Я уже говорил, что у отца такие взгляды были привычны: довольствоваться всему, что есть. И, особенно, мы все радовались

семьей, когда в 38-ом году уровень жизни поднялся. Он был не долго, до 39-ого года, пока наши не вошли в Западную Белоруссию. А дальше война с Финляндией, опять уровень жизни... складывается отсутствие в магазинах... все это в очередях. И, конечно, очень много времени мы проводили с сестрой, как я говорил, в очередях. К этому надо добавить, что всегда угнетала обстановка: отсутствие электроэнергии в Минске. Одна электростанция, и в нашем районе каждый день в 6 часов отключали электроэнергию, на время, когда надо уроки делать, всегда при керосиновой лампе. Так было и в самом начале войны – не было электроэнергии. Ну, детство, конечно, я... начиная весь день на коньках, на лыжах, это весь день после школы. А затем, вечером, когда за уроки – это керосиновая лампа, конечно, это всегда как-то действовало. И радовались мы воскресенью, когда давали электроэнергию в течении всего дня. А у нас там посередине стоит трансформаторная будка, она и щас стоит, на углу улицы **Фрунзе** (это сейчас улица Коммунистическая, до войны называлась **Опровская**) и Куйбышева. Вот на углу там стоит такая будочка, трансформаторный киоск. Вот этот киоск... в нем отключали. Нам казалось (вот с **Потентами** мы там дружили, вместе жили), что стоит нам создать такие условия, чтобы они ее не могли открыть, будет у нас свет. Мы набивали туда монеты, все что угодно, в это отверстие. Ну, один день нам удалось продержаться со светом несколько часов. А потом нашли пути отключать не в этом месте, а в другом. Все равно света не было. Я к чему говорю. Что вот эти условия, они конечно... сказать, что у нас...ну хватало всего, особенно переоделись... особенно в 38-ом году. Квартира у нас была 40 квадратных метров: кухня, русская печь, в комнате коланка, которую нам надо было конечно всегда топить. За водой мы ходили за 200 метров, на перекресток. Воды не было. Канализации тоже не было. Все это... удобств таких не было. Но, были довольны! Потому, что как всегда отец всегда вспоминал, что было у него в детстве и напоминал, что учились в школе. Ну, приличная сестра и я посещали мы эту 5-ую престижную школу, куда нас отец

определил. А затем, в 37-ом году стали строить сталинские школы по одинаковому такому проекту. И во всех районах построили. Ну, оказалась такая же школа – 11-ая. В этой школе я с сестрой учился. Она напротив дома была по улице Куйбышева.

– Скажите, Ваш дед был религиозным человеком?

– Так... Один дед... да, я вспоминаю. Это отец матери. В ермолке и с этими... как их... молился, дед молился. А вот этот дед, который был фельдшером, тоже верующий был. Потому, что очень много в семье, и старшая сестра, и вторая сестра у отца (они все жили в Минске, семья была очень дружная)

– Отец был членом партии?

– Отец – нет. Второй брат его, который... тот был, от начала до конца.

– Скажите, а ваш дедушка фельдшер, где он получал образование медицинское?

– Это я уже сейчас не скажу. В свое время я не поинтересовался у отца, но, как-то мне дядя мой, у которого я после войны один остался жив из всех, он был на фронте, так много чего я уже узнал впоследствии уже от него. И он поехал как-то после войны в Новогрудок, там кое-кто вспоминал эту семью. Даже там были старожилы. И даже там нашлись кто помнил, знал по рассказам этого фельдшера. Ну, думаю, что они все были с этого района, недалеко есть такая деревня Негневичи, вот щас, даже когда мы выезжаем туда по местам боевой славы нашего отряда, к месту дислокации, там недалеко эта деревня есть – Негневичи. Думаю, что все предки, там, идут с этой деревни, с этого района.

– Скажите, а в Вашей 5-ой престижной школе, какие педагоги вам запомнились

– Какие? Мне, начиная с нулевушки – Ольга Яковлевна, она мне так же запомнилась, начиная с первого класса. Мне

запомнился в этой школе физик, химик особенно. Тогда Ленинский проспект если был помните в Минске, это был в Минске для гуляния, а улица Карла Марса, это назывался Школьный проспект, где ходили старшеклассниц, по Школьному проспекту. Так этот химик (замашки у него были как у Беликова), выходил, ловил учеников там. А если он их не узнавал, кто гулял, обязательно вызывал. И поэтому мне запомнились вот эти, что у них...

– Вас часто ловили?

– Меня нет. Я еще тогда был в таком возрасте, что я еще туда не ходил. Я чуть попозже, последний год уже ходили тоже. Но я уже не в этой школе учился. В нашей школе, потом где я учился, все это было попроще. А здесь вот такие были еще педагоги «старой закалки» с гимназии. Там вот такие вещи были.

– Евреев много было?

– В 5-ой школе нет. В 5-ой школе не много. В 5-ой было мало, и мало учеников было там.

– Почему?

– Я не знаю. По районам это как-то там было. Район так складывался, но не много. Было конечно, я беру по сравнению с последующей школой, там было побольше.

– Рядом с Вами было много соседей евреев?

– Все почти. Ну как, не все, но на соотношении 50-60%. В нашем доме, где мы проживали, это был дом полковника до войны, до революции был полковник. И когда его национализировали, отец получил квартиру. Так в этом доме сразу поселились 4 семьи. Вот в нашей квартире это был его зал для приема – 40 квадратных метров. Его разгородили, добавили кухню. Там комната прислуги квартира получилась – еще семья. И еще две семьи. Из них одна семья была русская, все остальные – евреи.

Соседи жили через дом. Особенно наша семья была связана с **Потентами**. Дело в том, что еще в гражданскую войну (вот я покажу фотографии сегодня, сфотографирован мой отец и его отец, Потент), демобилизовались два друга, близко жили, поселились. Семьи были. У них тоже моего возраста... один сын был старше на 2 года меня, второй – моего возраста. Вместе мы дружили. Вместе мы в последствии оказались в Минске. Вот моя сестра именно с этой семьей уходила, потом вернулась. Затем, вместе с этой семьей... вместе мы были в гетто. Погибли и мои родители, и его родители. А что касается обеих сыновей: они вышли в партизаны. Вместе с ними мы были в отряде. А в последствии, вот я позже расскажу, со старшим я был вместе на фронте, он погиб. Поэтому из этих соседей, это...все мы с ними: и хулиганили вместе, и вместе наши родители собирались обсуждать, что с нами делать. Ну, все было в детстве. Вот допустим: где-то мы решили в футбол поиграть, ну и где-то нахулиганили, набили окна. Конечно, соседи пришли жаловаться, нашим пришлось рассчитываться. Но. Вместе с тем, родители, особенно его мать и моя мать, тоже, очень трудились много. Она тоже работала. И во время голода в 37-ом году они вместе выезжали подрабатывать в какие-нибудь колхозы, картошку зарабатывать. Они иногда уезжали на 2 недели, на 3 недели. Вот в уборочную их не бывало дома, то есть без матерей. У них в семье мать была построже, отец был помягче. У нас в семье наоборот – самый строгий был отец. Мать была очень мягкая, добрая человек, очень отзывчивая. Такая она у меня в памяти навсегда и осталась.

Ну а в школе... Для меня свойственно все, что свойственно для каждого школьника. Из класса меня выгоняли бывало за какие-нибудь проделки, так... это было в младших классах. А когда я уже был в старших я выступал за футбольную команду школы, самой нашей 11-ой школы. Соревновались с той же 5-ой школой, в которой я когда-то учился. Все последующие годы занимался футболом, баскетболом, хотя рост у меня был такой

маленький, но я все пытался. До того доигрался, что сломал руку, не учился больше месяца.

Ну, собственно, что я могу еще вспомнить... После занятия домой никто не загонит. Вот эта горка, возле штаба округа, которая идет вниз, это была наша горка, где мы проводили всю зиму: начиная с малого возраста на санках, затем, на лыжах, на коньках. Все на этой горке!

Но особенно запомнились передвоенные годы. Стали постарше. В парке Горького был стадион «Пищевик». Этот стадион... вот сейчас он тоже остался стадионом, только нет трибун, когда-то там были небольшие трибуны сделаны. Вот на этом стадионе «Пищевик» заливали каток, это уже были взрослые, как-то на девочек заглядывались, и уже были подруги. С девушками здесь проводили вечера, катались. Это перед самой войной, последние годы.

– Скажите, часто ли Вам до войны напоминали, что Вы еврей?

– Не напоминали вообще. Я этого не знал, что в основном... я только знал, что такое евреи, впервые я конечно столкнулся, когда началась война Польши с Германией. Когда сюда беженцы хлынули потоком, и соседи появились, недалеко проживали. Вот здесь и возник такой вопрос, что я без конца интересовался у отца: Почему? Как? За что? Вот он мне и рассказывал с истории еврейского народа: изгнание из Египта, все вот эти вещи. И тут я уже хорошо знал, что существует. Но так, чтобы где-нибудь меня остановил кто-либо на улице, я этого не испытывал в Минске. Я снова повторяю, что это я отношусь щас... когда я это все взвешиваю, что тогда было, я отношу к тому, что в нашем районе проживало больше евреев, и в школе занималось очень много... что-то никто не осмеливался, как видно, ребята у нас были такие, что можно было и проучить, и хулиганистые были, всякие были... Поэтому, особенно тут такого я никогда не ощущал. Это уже позже. Это я почувствовал. А вот в передвоенные годы, я про эти вещи не знаю... отец работал, у него директор фабрики был

Лемберкимвер, его посадили. Главный инженер – тоже посадили, но все были в основном руководящим ядром, там были еврейской организации. Помню главный энергетик был русским, но он отлично разговаривал по-еврейски, часто был в гостях. Не ощущал я такого.

– Скажите, Ваш отец участник гражданской войны. Ваш дом как-то коснулся 37-ой год?

– В 37-ом году каждый стук – отец просыпался и думал, что вот, идут за ним. Потому, что, когда арестовали, он говорил **Лемберга** вот этого, он говорил: «кристально честный человек». Единственное, у него что было, что он родом с Варшавы. Это было достаточно, чтобы его арестовали. А отец мой, поскольку когда-то родился, это была Западная Белоруссия, жил в Новогрудке, он в Минске с 10-ого года, он думал, что тоже его коснется. Что касается его брата, он был до войны начальником строительства, директором Оршанского льнокомбината. Ну, этого коснулось крепко, его... был главный инженер там такой Козловский, того арестовали. А ему пришили дело, что он создал гнездо для врагов народа. Его вызвали сюда в ЦК, сняли с работы. Считал, что вот-вот его уже заберут, и тут как раз вышел 38-ой год Сталина письмо, о том, что переборщил. И вот тут его вот это все спасло. Его после этого восстановили, назначили начальником...управляющим Могилевского областного строительства. Он туда уехал работать из Минска в Могилев. Поэтому, больше никого из семьи... таких постов у меня никто не занимал. Остальная сестра отца домохозяйка. Вторая сестра тоже измученная женщина, сын 18-ого года рождения, а жена воспитывала сына без мужа. Муж был ярый революционер, бундовец. И поляки его повесили в 20-ом году в Минске, когда этому двоюродному брату было всего 2 года. Поэтому... Ну, муж сестры отца был сапожник. Так что все вот такие были рабочие, и с руководящих работников был только брат отца, которого это коснулось. Ну и отец все считал, что... Остальных ничего не было... В годы репрессий ничего не коснулось.

– Сказали, что в 38-ом году уровень жизни поднялся

– Да

– Расскажите подробнее, как вашей семьи это коснулось? Что изменилось?

– Так, что изменилось? Мы что почувствовали, что не надо было не мне, не сестре бегать вечером в хлебный магазин отоваривать карточки на следующий день. Хлеб с вечера уже выдовали на следующий день, и мать его усим делила. Так мы пытались его в этот же день и скушать, ждали весь день, когда снова можно будет получить по карточкам хлеб. Карточная система, купить ничего тогда, в смысле продукты, очень сложно было – все по карточкам. А здесь, отменили карточную систему. В магазинах появилось буквально все. Построили новые магазины. На улице Ленинской, там, где щас на углу ничего нету, стояло самое большое здание, самое не большое, а высокое, гостиница «Европа». И вот в этой гостинице построили новый гастроном. В этом гастрономе, когда зайдешь, обилие. По улице Ленинской, буквально фабрика КИМа, здесь сделали булочные, где пирожные. Вечером, когда туда пойдём пить кофе для того, чтобы скушать пирожное. Усе в магазинах появилось. А коль появилась еда, естественно изменилась психология у людей. Люди начали подумывать и о духовной пище. В это время, в 38-ом году, я помню, появились джазы, начались бальные танцы. Везде, на каждом предприятии изучают эти танцы. Отец тоже в кружке занимается, и мать – изучают бальные танцы. Купили Потенты, вот мои друзья, патефон. Пластинки появились. Мы дома тоже танцуем. То есть я к чему говорю: когда пища для живота... живот стал полным, появилась потребность духовной пищи, и сразу везде почувствовалось. Появилась потребность посещать кино, театры, а тут такие фильмы: «Мы из Кронштадта», «Броненосец Потемкин» чуть попозже. А дальше, перед самой войной «Большой вальс». Это все такие фильмы, которые как-то... ну, всех интересовало. Началась жизнь во всех отношениях. Уровень жизни поднялся. И культура... И тут оперный театр

построили возле дома нашего. Помню, как сейчас, как его строили. Наконец его построили. В оперный театр мы бегали. Все вот это началось примерно в 38-ом году.

– Немножечко подробнее об этом вот периоде. Вы были на открытии оперного театра?

– На открытии? Каком?

– Оперного театра

– На открытии оперного театра я не был. Но я тогда возле него стоял. Помню эти толпы, которые кругом стояли, не могли... Тогда оперный театр немножко не такой был. Там постепенно... не было не галерки, не было не бельэтажа, а постепенно поднимались ступеньки плавно, вот как в театре были в Доме пионеров, клубе Дзержинского, такой вот зал... Вот так вот, такой же зал тогда был и оперном театре. Так что я не был на открытии, но я внутри тогда... когда его открывали... я помню это.

– А спектакли какие Вы помните?

– Довоенные?

– Довоенные

– Ну довоенных в оперном театре... Я помню, я... В Янки Купала я очень много помню... с театра им. Янки Купала. Вот допустим, по сей день у меня остался в памяти спектакль «Кто смеется последний» с Глебовым. Это я помню его хорошо. Помню этого Глебового в роли еще... был такой спектакль «Гибель волка», спектакль «Последние» в Янки Купала. В оперном я помню, меня водили вместе с сестрой, «Снегурочку», по-моему, там смотрели, и «Спасем красавицу». Помню тогда еще этих артистов оперного театра старого поколения: **Болотин, Млотык, Дядюля**... нет, Дядюля это уже, по-моему, из Янки Купала. Григорьев, Дядюля там вот эти были. Знаете, мне еще запомнилось из «Кто смеется последний» Платонов. Он и жена

его, играли Горлохвацкого и... Платонов Зелкина играл, Рахленко играл Горлохвацкого. Это когда старое поколение актеров театра.

– А слово «джаз», когда Вы слышали и как?

– Джаз? Расскажу вам про джаз. Утесов славился тогда. Знал, что существует Утесов такой. Его песни, особенно, когда вышел фильм «Веселые ребята», и сразу, после того... в этом фильме особенно нам, детворе, нравилась эта драка, которую устроили, там джаз, и конечно, вот с этих дней, после этого фильма, слово «джаз» нигде не сходило, все помнили. А тут еще Утесов сам приехал на гастроли в Минск. И выступал в оперном театре. Он здесь гастролировал, показывал тогда «Много шума с ничего», я помню, я тогда смотрел его. Помню приезд Утесова. Ну, и, конечно, с 39-ого года появился новый джаз, такой был в основном с Западной Белоруссии, Польши. И вот спектакли, я помню все, эти... Вот этот джаз, начиная, я все помню...

– Какую музыку Вы помните? Вот названия?

– Музыку? Как, много! Ту, что исполняли они? Помню. Утесов, почти все его песни, которые он исполнял. И «пароход его плывет так по реке», и его песню помню хорошо, тоже пытался петь на еврейские мелодии песню, одесскую песню, про всех музыкантов, он исполнял тогда. Это у него было в репертуаре. Ну и Эдита помню, «ла-ла» со мной, Эдита. Попутал, говорю, не Эдита Пьеха, а Эдита — это дочка была ее. Она очень хорошо пела, мне нравилось. Не знаю, почему из нее не получилось большой певицы, но, это я помню.

– И танцевальные мелодии тоже запомнились?

– Ну, танцевальные минуты 30-ых годов я все помню. Начиная от танго «Утомленное солнце», «Цветущий май», «Риорита». Сейчас я может названия не могу, а так, я их песни этих 30-ых годов, последние у меня эти пластинки, я их завожу, и все эти песни иногда вспоминаю. Особенно, сейчас есть все танго тех лет в исполнении Кобзона. У него диск такой есть.

– А бывали вы на спектаклях в еврейском театре?

– Был. Был на еврейском спектакле. Как сейчас помню, смотрел, там, где русский театр сейчас, там еврейский. Особенно вспоминаю то время, когда **Трепет**, по-моему играл, и **Сокол**, и второй был Трепет, по-моему так. Его хорошо помню. Помню Терри Молодченко в еврейском театре.

– Дома пели еврейские песни?

– Да! Пели, отец пел. Помню с отцом был в доме отдохав Ждановичах. Там была компания, пели оду песню. Я как-то запомнил даже ее слова отдельные, но по сей день не знаю, что это за песня. Но отец мне сказал, что это песня бундовцев, бундовцы когда-то ее пели. Эту песню, я как сейчас запомнил, пели. Почему-то, она мне и сейчас нравится, и мотив ее, и слова такие есть. Ну, вот эту песню запомнил. Ну не знаю, как-то после войны пытался кое у кого со старых, пожилых людей узнать, помнят ли они. Нет, почему-то ее не знают.

– Скажите, чувствовалось ли в Вашем доме приближение войны? Приближение чего-то такого страшного?

– Да. Чувствовалось. И чувствовалось не только это в разговоре, хотя впервые я вот эти разговоры вспомнил в 32-ом году, мне еще 8-ой год шел. Я был в пионерском лагере в Ратомке, там пионерский лагерь был, давно был. И помню, когда, там что-то получилось с койкой у одного пионера. Подошел, возмутился, что ему поставили такую койку, с плохим матрасом. Он тогда выразился: «Пускай Гитлер спит на такой койке!», что ему поставили. Это в те годы, ненависть уже, он пришел к власти... в 33-ом году было. То есть, только пришел к власти, и уже сразу пошли разговоры: Гитлер у власти – чего-то готовится война, война, война. Ну и, убаюкивали нас, конечно, песней: Мы войны не хотим! Мы себя отстоим! Оборону укрепим! В общем, все эти песни... думали, что война будет, но, что за несколько дней Минск может оказаться в оккупированном районе, такой мысли никогда не было. Отец всегда в этой части был у меня оптимистом,

говорил: «Нет! Наша красная армия сильна! Ели чего-нибудь – разобьём!», все, он свято в это верил. Никогда такой мысли о том, что, мы можем... Да, война может быть, но всегда считали, что в этой войне победим не с такой кровью, с какой пришлось победить. Это было полнейшей неожиданностью конечно для меня, когда я столкнулся. Я на этом воспитывался, что мы сильные. А то, что война будет, не сомневались! Знали. Вся обстановка, ход обстановки, эти все сообщения. К тому времени я много чего почитал в **финфнгере**, он там, где уже писала о тех событиях: Евросоюз и его все последующие там... во Франции, когда он жил, описывает судьбу беженцев.

– Эти книги уже издавались здесь?

– Да, были уже, были. Ну много было на эту тему. Не книги... я не помню сейчас, отдельными книгами или в журналах где-то, я уже тогда, к тому времени, перед самой войной **сленге** уже читал, перед самой войной, что много написано... Ну и взять, профессор **мамлт**, ну, и эти все, которые были. Мы все видели тогда, что в Германии твориться, что там готовятся. И, естественно, понимали, что если это будет у нас, не на территории Германии, то все это будет значительно жёстче, тем более в Польше это опыт показал, когда немцы заняли восточную часть Польши... западную часть Польши.

– Скажите, почему Вы поступили в политехникум, а не продолжали занятия в школе?

– Ну, я, по-моему, говорил, может я не совсем ясно сказал. Шла тогда, в 38-ом году, учебная реформа. Создали профессионально-технические училища и проф-училища, или как их называли –ремесленные училища. Изменили систему обучения. Стала платная система обучения тогда, уже платили. Дело в том, что к этому времени. Со школы, если поступать в профтехучилище... там оставалось образование только 7 классов, дальше профтехучилище. Поэтому, как-то начали... У меня вот

Патент старший, друг мой, пошел, и как-то я загорелся этим. Тоже оставил школу, пошел в политехникум в Минске.

– Скажите, в первые дни войны, собиралась ли ваша семья сразу же эвакуироваться?

– Да! Сразу же, как объявили войну. Шел разговор так, что, если начнется... угроза будет Минску, какая-нибудь угроза Минску захвата, немедленно все бросаем и уходим. Это не только в нашей семье, это все, кого я знал, эти семьи, и Патенты, и все, были настроены. Но никто не предположил... Считали так, что вот эти 300 километров... в гражданскую войну это надо же было два года, или год, чтобы пройти такое расстояние. Никто ж тогда толком не представлял, что мото их части, в сочетании с авиацией, с танками могут такими молниеносными ударами пройти такое расстояние. Тем более, никто тогда не готовился к такой войне, обхвата, прорыва, такого, что предприняли немцы. Поэтому, естественно, никто не ожидал, что в течении каких-то 4-5 дней Минск может оказаться оккупирован.

– Скажите. Почему Вы пошли именно на Смолевичи и Жодино?

– Мы в этом районе жили. Это самое близкое наше шоссе на восток. Жили мы по улице Красной, это выход на Комаровку, на московское шоссе. Так и случилось: кто жил поближе в районе могилевского, те по тому шоссе. Двигаться пошли по шоссе, все считали...

– А когда вы вернулись в Минск, стояли уже танки, были отступавший войска, что они говорили о первых боях? Вы слышали какие-то разговоры?

– Немцев?

– Нет

– Для всех полнейшей неожиданностью... Для всех, вот когда мы остановились на **Сиамском**, все в один голос: «Ничего

страшного нет. Это пока не успели опомниться. Сейчас наши войска перегруппируются и нанесут ответный удар». Когда 29-ого над Минском появился наш самолет, как-то все воспрянули духом. 29-ого появился на самолет... Он правда не бомбил, а так, полетал, по нем стреляли днем, или это было 30-ого июня. И все ожидали: вот-вот должны наши войска вернуться, вот-вот должны. А со временем... и когда увидел поток машин: да, вот уже начали наши наступление. Немцы уже куда-то двигаются, а там совершенно было связано с другим. Все жили с этой надеждой, что наши должны вот-вот вернуться. Отец мой все седел и Наполеона вспоминал: «Вот, все это не может быть. Наша армия сильна. Она вернется. Нас застали там врасплох. Где-то вредители...». Естественно считали.

– Скажите, гетто еще не было, как местное население относилось к евреям?

– Я двойко сейчас смотрю на это все. Была часть людей, которые вместе жили, продолжали общаться с соседями, где жили, и уже ясно было видно, кто настроен агрессивно против, и сразу же проявилось. Уже начали: «Это вам не большевики» - многие повторяли. «Это вам, жидам и коммунистам... шас мы вам покажем...». Вот такие уже были разговоры в первые дни в Минске. Ну, а когда стало образовываться гетто, это уже, этот поток туда, и все это уже туда... это полнейшее расслоение пошло. Даже тот, кто был настроен дружелюбно вначале, под угрозой всевозможных репрессий в их сторону, они тоже начали как-то отношения свои охлаждать и удаляться.

– К тому времени, когда Вам нужно было переселяться в гетто, сестра нашлась уже?

– Да! 4 июля в Минск вернулась семья Патентов, они тоже в этом направлении шли, но они дошли до Борисова, пока мы тут мать, сестру искали, они в это время двигались. Они вернулись сюда 4 июля всей семьей, и вместе с ними была моя сестра.

– Расскажите, как происходило переселение уже в гетто?

<https://collections.ushmm.org>

Contact reference@ushmm.org for further information about this collection